

14.10.99

Тимур КИБИРОВ:

Известия. — 1999 — 14 окт. — с. 10

«Взял барашек карандашик...»

Тимур КИБИРОВ — едва ли не самый известный поэт поколения «сорокалетних»; его книги не залеживаются на прилавках книжных магазинов. Сквозь тотальную иронию в его стихах можно расслышать трагическую и даже пафосную тональность; на грубоватом современном языке он пытается говорить о вечном.

— В только что вышедшей вашей книге образ писателя весьма убедителен, равно как и образ читателя: «Взял барашек карандашик, взял и написал: «Я мемека, я бебека, я медведя забодал!» А лягушка у колодца заливается, смеется — вот так молодец!»

— Это цитата из Чуковского. Я хорошо знаю его стихи — приходилось читать сначала младшей сестре, потом племяннику, потом дочери... Поведение барашка мне всегда казалось типологически точным описанием поведения писателя, равно как хрестоматийные «слон и моська» описывают взаимоотношения литератора и общества.

— Кем он стал — поэт, который в России был больше, чем поэт?

— Возможно, теперь он меньше, чем поэт. Времена, когда интеллигентный человек был в значительной степени «сделан книгами», когда в литературных сочинениях искали ответы на все вопросы, — те времена прошли. Сознание людей формируется

средствами массовой информации, прежде всего телевидением.

— Значит, современная литература заслуженно отодвинута на периферию общественного сознания?

— Такая ситуация не следствие чьей-то злой или доброй воли. Люди читают и будут читать хотя бы потому, что некие гуманитарные пристрастия для определенного круга являются традиционными и престижными. Люди писали и будут писать, допустим, стихи, пока будет существовать язык человеческий, потому что существует некий психофизиологический тип, который, как говорили у нас в казарме, «под это заточен».

— Повальное увлечение массовым чтением вы игнорируете?

— Я привык, говоря о литературе, иметь в виду литературу в буквальном смысле. То есть искусство слова. Жанровая литература мне просто скучна, хотя там, очевидно, есть выдающиеся достижения (правда, ни одного романа Марининой я до конца не дочитал). Гораздо интереснее

другое: существуют писатели, которых все — и они сами — причисляют к высокой, высоколбой литературе и которые выполняют ту же функцию «массовой», но для другой социальной группы. Например, Пелевин. Неприятно, когда сочинение, добротное сработанное по законам коммерческой массовой литературы, пытаются выдать за некое новое слово — уж чего-чего, а нового слова там и в помине нет.

— А что есть?

— Если говорить об идее — подростковый юношеский нигилизм, замешенный на увлечении буддизмом... Пафос, который можно передать словами: «На самом деле все обман, все ложь, эти традиционные ценности не более чем мираж!» А стиль — компиляция из очень многих вещей. «Жизнь насекомых» — привет дедушке Крылову с его наивными аллегориями. Не исключено, что это будущее литературы. Мне такое будущее не нравится, и я следаю все, что в моих скромных силах, чтобы оно наступило как можно позже.

Вернемся к Пелевину: я против того, чтобы объединять его с Сорокиным (кстати, некоторые считают, что Пелевин — это Сорокин в издании «Детгиза» — и, на мой взгляд, справедливо). Сорокин сделал с прозой то же, что

Д.А. Пригов с поэзией. Его сочинения — продуманная, просчитанная провокация против традиционной литературы. Не попытка говорить с читателем на языке истины, а просто игра с разнообразными культурными кодами, любой из которых — не более чем условность... Между прочим, при нашем знакомстве Пригов мне так и сказал, что классика, как и модернизм, строилась на поиске истинного языка культуры, а на самом деле никаких истинных языков не существует, все относительно. Я тогда постеснялся ему возразить, но ведь из того, что все эти языки относительны, вовсе не вытекает, что они ложны! Для меня истина существует, и литература — способ, чтобы к ней приблизиться. Хотя на миллиметр.

— Остаетесь моралистом?

— Должен же быть хоть один моралист!

— В литературе их немало. Правда, по возрасту значительно старше вас.

— Это прозвучит нескромно, но в современную русскую литературу только я мораль и протаскиваю. Так что меня все наши имморалисты должны беречь как зеницу ока — иначе их будет не с кем сравнивать!

— Но время-то, простите, аморальное, даже внемораль-

ное. Слишком многое определяет прагматизм, выгода.

— А чего надо было ожидать? Сейчас скажу нечто немилосливое, из репертуара «Огонька» начала перестройки: семьдесят лет вытраивалась всякая мораль, а процветал цинизм. И когда гадают, что откуда взялось — да откуда! Советская творческая интеллигенция внесла в это ощутимый вклад. Она и врала, и продавала, и когда выяснилось, что иногда даже случайно говорила правду, эта правда оказалась дискредитированной. Вот, скажем, советский писатель пишет роман... Какой? — нешто вспомнишь... Все как на производстве или в колхозе, и всем ясно, что это вранье. Но там описывается какая-нибудь трогательная любовь. Когда у советского человека открылись глаза — а-а-а, все дерьмо! К какой-то матери! И любовь вашу — туда же! Мы лучше будем смотреть передачу «Про это». Я абсолютно не согласен с тем, что люди не хотят выслушивать нотации. По-моему, каждый человек, от ребенка до старика, ждет, чтобы его кто-то научил, как правильно. Но для этого он должен быть уверен, что его не унижат, не обманут, что человек или какая-то институция имеет на это право. Вот я лично мечтаю, чтобы меня

научили. Увы, в последнее время ничего толкового не слышу...

— И к чему мы пришли? Как вы выразились, «с этим рылом в этот ряд вам, товарищ, не велят»?

— Это стихотворение совершенно неприязнительное. Там есть некое обобщение, но есть и личное переживание...

— Кстати, о личных переживаниях. Вы сейчас загорели и действительно похожи на «лицо кавказской национальности», каковым по существу и являетесь. Ваша осетинская внешность не вызывает интереса милиции? Паспорт на улице проверяют?

— Не часто.

— Может быть, вы, москвич, русский поэт, осетин, могли бы помочь понять «взрывных» кавказцев?

— Тогда придется сказать вещь отнюдь не «политкорректную». Да, существуют особенности национального темперамента. Плюс к тому у большинства северокавказских народов система ценностей вполне архаичная: муж — воин, защитник, жена — хранительница очага. Очень красиво, недаром русские романтики так пламенно все это любили. Но это вошло в противоречие с современным жизненным укладом. И тем людям, которые яв-

ляются носителями этих идей, которые во времена Гомера были бы героями «Илиады», а в средние века — рыцарями, сейчас ничего не остается, кроме как стать бандитами. Потому как никакого другого применения своим свойствам они в конце XX века не найдут. Служить власти — совсем неромантично. А бороться за национальную независимость — это же чудесно! Тем более в XX веке такая роскошная мифология по поводу национально-освободительных движений! Интеллигенты, раздувая ее, закрывали глаза на чудовищное противоречие в рамках своей либеральной идеологии: если во главе угла права человека, личности, то любые национально-освободительные движения становятся довольно сомнительными. Лучше ли стало жить среднему чеченцу в «независимой республике», больше ли прав и возможностей он получил? Не уверен...

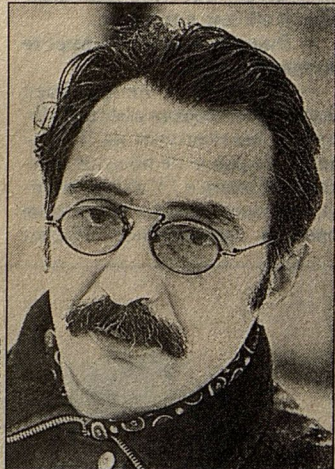
— Вернемся к нашим барашкам, то есть к роли творческой интеллигенции, замученной невооруженностью и нехваткой денег.

— Все так. Но сидеть при реках Вавилона и плакать бесполезно. Русская интеллигенция так много говорила о своей духовности — самое время доказать. Заниматься просвещением, воспитывать детей. Либо бросить все и идти зарабатывать деньги. Между прочим недавно, к пушкинскому юбилею, один довольно молодой художник из самого изысканного сообщества так называемых «бумажных архитекторов» слепал удивительно безвкусное изображение Пушкина и Натальи — то, что ему заказали. Вот наша чудесная творческая интеллигенция на новом этапе! Очень показательный пример.

— И что он показывает? Что где мы были, там и остались?

— Единственное наше достижение за последние годы — свобода. Чудовищную цену за нее платит Россия. Но если мы все-таки согласимся с тем, что свобода — это ценность... Она ничего не искупает, она просто есть. Как мы распорядимся ею? Наше дело. Пока — не очень удачно.

Елена СЕСЛАВИНА

ВИКТОР АХЛОВИЧ

нматься просвещением, воспитывать детей. Либо бросить все и идти зарабатывать деньги. Между прочим недавно, к пушкинскому юбилею, один довольно молодой художник из самого изысканного сообщества так называемых «бумажных архитекторов» слепал удивительно безвкусное изображение Пушкина и Натальи — то, что ему заказали. Вот наша чудесная творческая интеллигенция на новом этапе! Очень показательный пример.

— И что он показывает? Что где мы были, там и остались?

— Единственное наше достижение за последние годы — свобода. Чудовищную цену за нее платит Россия. Но если мы все-таки согласимся с тем, что свобода — это ценность... Она ничего не искупает, она просто есть. Как мы распорядимся ею? Наше дело. Пока — не очень удачно.